

У Дабин затаил дыхание, не отрывая взгляда от происходящего.

Гу Чанъань закрыл глаза. Спустя десяток секунд он услышал последний звук, который Ван Тинтин оставила в мире живых перед смертью — голос, полный ужаса: — Это Хэ Цзянь! Он вернулся!

Хэ Цзянь? Гу Чанъань приподнял бровь. Похоже, Ван Тинтин приняла кого-то за призрак Хэ Цзяня и в панике, пытаясь сбежать, сорвалась с лестницы.

Кто преследовал её, пугая раз за разом? С какой целью? Чтобы убрать свидетеля?

Сконцентрировавшись, Гу Чанъань вытянул каплю крови из межбровья Ван Тинтин и стер её.

Не обращая больше внимания на тело, он велел У Дабину подняться первым, а сам пошел следом, тщательно стирая следы своих ботинок. Он был слишком занят, чтобы позволить полиции обнаружить их следы на месте преступления и таскать их потом на допросы в качестве подозреваемых.

Гу Чанъань остановился у двери квартиры 702. Сквозь бумажную салфетку он взялся за ключ, открыл дверь и вошел:

— Дабин, снимай обувь.

У Дабин, уже занесший ногу для шага, замер:

— Чанъань...

Гу Чанъань закрыл за собой дверь, скинул ботинки и прошел вглубь:

— Ладно, подлизываться не нужно. Всё равно ничего, кроме этих пары фраз, не выучил.

Лицо У Дабина залилось краской.

Гу Чанъань напрямик направился в северную комнату.

Там не было ни трупа, ни спрятавшегося человека. Стены были исписаны одной и той же фразой: Чжан Вэй ведь любит меня? Некоторые надписи были чёткими, другие — затертыми ножом, перечеркнутыми ручкой или размытыми влажной тряпкой, грязные и невнятные.

По догадке Гу Чанъаня, она писала это в течение двух-трех дней после смерти Хэ Цзяня, примерно в то же время, когда появилась Ложь.

Должно быть, она видела тело Хэ Цзяня или стала свидетельницей преступления, но не разглядела лица убийцы. Вернувшись, она обнаружила, что что-то забыла, и вынуждена была пойти обратно, но тела на месте уже не оказалось. Поэтому она начала внушать себе, что ей просто показалось, что всё это не по-настоящему.

В полицию не заявляла из страха, что подозрения падут на неё саму.

Спустя время Ван Тинтин начала сомневаться, причастен ли Чжан Вэй к смерти Хэ Цзяня, и попыталась стереть надписи со стены — отсюда и такой беспорядок.

Гу Чанъань присел в углу комнаты, погружившись в глубокие раздумья.

Тот телефонный звонок Чжан Вэй, вероятно, был сделан по чьей-то указке. Он просто взял деньги, не зная истинных причин, да и знать не хотел. В конце концов, отношения с Хэ Цзянем из-за Ван Тинтин были окончательно разорваны. Жив тот или мертв — ему было плевать, он даже мечтал о смерти Хэ Цзяня и пытался её приблизить. Крысиный яд в крольчатине — лучшее тому доказательство.

Жаль, что Чжан Вэй не дождался, пока Хэ Цзянь вернется отведать того мяса: в тот вечер Хэ Цзянь не пришел, а потом и вовсе исчез.

Преступления часто совершаются под влиянием минутного порыва.

Остыв после вспышки гнева, Чжан Вэй обрадовался, что Хэ Цзянь не пришел, мясо осталось целым, а значит, он не станет убийцей и не сядет в тюрьму. К тому же он получил неожиданную сумму денег и зажил припеваючи.

Смерть Хэ Цзяня не была связана с Ван Тинтин.

Просто за эти дни она наткнулась на новые улики и столкнулась с настоящим убийцей. К несчастью, она выдала себя, и тот, решив обезопасить себя, расправился с ней.

Прошлой ночью он довел Ван Тинтин до психического расстройства, а сегодня снова явился в облике призрака Хэ Цзяня, нанеся ей смертельный удар ужасом.

Значит, если наведаться туда, где Ван Тинтин была перед возвращением, можно что-то найти.

Впрочем... Гу Чанъань не собирался идти в бар и собирать улики — этим пусть занимается полиция. Его целью было разоблачение Лжи.

Гу Чанъань снял очки, с силой потер переносицу и прищурился. В узких щелях глаз блеснул расчетливый огонек — словно старый охотник, что приметил добычу и уже готовит капкан.

У Дабин, обладатель могучего телосложения, невольно вздрогнул.

Девять вечера.

Чжан Вэй только что закончил развлекаться, листая ленту, и собирался попарить ноги перед сном, как вдруг за дверью послышались шаги. Они стихли прямо у порога. Он невольно приоткрыл дверь, чтобы посмотреть.

Никого. Во дворе тишина, никто из соседей не выходил.

— Странно, слышалось?

Чжан Вэй закрыл дверь, нервно задвинул засов и прижался спиной к стене, дожидаясь, пока сердце успокоится.

Случайно бросив взгляд на стол, он увидел там лист бумаги. Подойдя ближе и прочитав первую строчку, он оцепенел.

Хэ Цзянь умер.

— ...

Первой мыслью Чжан Вэя было: что за чертовщина? Как это оказалось у меня на столе? Второй — почерк показался знакомым. Он невольно продолжил чтение.

Месяц назад, возвращаясь с работы, я увидела Хэ Цзяня, лежащего в луже крови. Он был мертв. Я так испугалась, что убежала, а когда вернулась, тела уже не было.

Я убеждала себя, что это галлюцинация, что Хэ Цзянь просто уехал в Юньнань, но я видела его! Прошлой ночью!

Тело Чжан Вэя одеревенело, в горле пересохло. Это почерк Ван Тинтин! Она здесь?

Комната маленькая, спрятаться можно только в шкафу или под кроватью.

Чжан Вэй выругался:

— Ван Тинтин, я тебя вижу, не прячься, выходи!

В комнате ни звука.

Чжан Вэй слышал собственное тяжелое дыхание и бешеный стук сердца. В ярости он отшвырнул стул и рывком распахнул дверцу шкафа:

— Черт, не выходишь? Посмотрим, как ты...

В шкафу только одежда, никого.

Чжан Вэй бросился к кровати, заглянул под неё: там лишь обувь да картонные коробки. Чтобы человек спрятался в такой коробке, ему пришлось бы отпилить голову и конечности.

Ван Тинтин там не было.

У Чжан Вэя волосы на затылке зашевелились. Она подбросила записку и ушла? Как она это сделала? Просочилась сквозь щель в стене?

Окно было приоткрыто — он забыл его закрыть. Точно, она влезла через окно!

Чжан Вэй судорожно потер лицо и продолжил читать, желая понять, что за игру она ведет.

Сегодня вечером Хэ Цзянь снова приходил за мной, винил в том, что я не помогла ему. Полчаса назад я умерла.

Убийца расправился с Хэ Цзянем и отправил от его имени сообщение, что он уехал в Юньнань. Тот звонок ты сделал по приказу убийцы, чтобы подтвердить эту версию. Ты соучастник, и ты тоже умрешь.

Чжан Вэй, следующий — ты.

Чжан Вэй впился взглядом в бумагу, его лицо исказилось:

— Что за шутки? Я тебя не трогаю, а ты решила нагнать на меня страху?

Сама себя проклиная? Ван Тинтин, что, с ума сошла?

Хотя он убеждал себя, что это заговор Ван Тинтин, что она что-то задумала, он всё же отправился к жилому комплексу, где она жила.

У входа стояло несколько полицейских машин, толпились люди.

Сердце Чжан Вэя сковал холод. Он пробился сквозь толпу, прислушиваясь к разговорам.

— Кто умер-то?

— Та женщина из 702-й квартиры, в 29-м доме. Она часто покупала фрукты в моем магазине, ты её видел, я тебе еще показывал.

— А, она... Симпатичная была, беленькая. Жаль-то как.

Чжан Вэй замер, как вкопанный. Он развернулся, схватил говорившего за грудки и прошипел сквозь зубы:

— Ты сказал, кто умер?

Тот испугался и начал орать:

— Обалдел, парень? Полиция! Сюда, тут дерутся!

Чжан Вэй отпустил его, прежде чем полиция обратила на него внимание, и бросился прочь.

Услышав, что она умерла от испуга, он окончательно побледнел. Забежав в переулок, он прижался спиной к стене и судорожно задышал, не в силах унять дрожь в руках и ногах.

— Как так вышло? Я просто сделал звонок, как тот человек просил, сказал всё, что нужно, получил деньги... Я ничего не знал, он не может убить меня... Не может...

Ложь считается разоблаченной только тогда, когда хозяин признается в ней сам.

Гу Чанъань, стоявший в тени, дослушал бормотание Чжан Вэя. Он достал флакон, в котором хранилась Ложь: стеклянный шарик внутри треснул и превратился в поток энергии. Готово.

У Дабин сказал:

— Чанъань, дело сделано, остальное выяснит полиция. Нам пора возвращаться. Завтра я схожу расторгну договор аренды.

Гу Чанъань взглянул на время в телефоне. Личунь говорила, что Бабушка хочет его видеть и просила успеть до 20-го числа. До двадцатого оставалось два часа.

Он поправил очки:

— Поедем к Бабушке, узнаю, зачем я ей понадобился.

12. Глава 12

Мать Личунь пожертвовала собой, чтобы привести её в этот мир.

С тех пор отец Личунь стал заговариваться, а когда ей исполнилось три года, ушел из дома,

говоря, что ищет подземный город. С тех пор он не возвращался — жив он или мертв, нашел ли тот город, никто не знает.

Личунь жила с Бабушкой на Хребте Цветочного Оленя. Раз в месяц она выбиралась в город за продуктами, а всё остальное время вела жизнь отшельницы: ухаживала за цветами, сажала овощи, училась шить, а иногда даже копала руду в горах или ковала серпы.

На Хребте Цветочного Оленя не было оленей, зато водились огромные шершни. Жители городка обходили это место стороной, боясь быть ужаленными.

У Дабин не любил это место, каждый раз приходя сюда, он был настороже.

Гу Чанъань был спокоен — шершни не осмеливались к нему приближаться, улетали прочь издалека.

На хребте царила тьма, вокруг была мертвая тишина, словно здесь не осталось ни одного живого существа, и лишь после появления Гу Чанъаня и У Дабина раздались шаги.

Гу Чанъань накинул капюшон, защищаясь от ночного ветра. Он хотел спать и мерз — по ночам вообще не стоило выходить из дома, лучше было лежать под теплым одеялом.

— Дабин, ты купил мне мармеладки?

У Дабин замялся:

— Чанъань, прости, я забыл.

— Забыл так забыл, завтра сам схожу в супермаркет, — Гу Чанъань спрятал руки в карманы куртки. — Ложь Чжан Вэя устранена, можно отдохнуть. Есть что-то, что ты хочешь сделать? Или куда-то сходить? Помню, ты говорил, что хочешь посмотреть мир за пределами городка.

У Дабин почесал затылок:

— Это сложно: билеты покупать, гостиницы искать, карту...

Гу Чанъань лениво ответил:

— Как хочешь. Если надумаешь, заранее выбери город, посмотри в интернете достопримечательности, изучи местные обычаи — и в путь.

У Дабин закусил сухие губы. Он никогда не покидал пределы города, был любопытен, хотел знать, какого цвета небо там, за границей, но всегда сомневался и не мог решиться.

Не только У Дабин, но и Гу Чанъань никогда не уезжал. Но он был из клана Гу и не мог, как Дабин, свободно перемещаться. Он был обязан оставаться здесь до самой смерти.

Старик при жизни много раз предупреждал его не покидать город, и каждый раз, говоря об этом, выглядел пугающе.

Гу Чанъань давно решил: когда он умрет, У Дабин развеет его прах где-нибудь в мире, чтобы он хоть так увидел море.

— Но Чанъань, если меня не будет, кто будет тебе готовить?

Мысли Гу Чанъаня вернулись к реальности, он зевнул:

— У меня есть руки и ноги, с голоду не умру.

У Дабин продолжал волноваться:

— А те цыплята и утки во дворе...

— А это меня не касается, — отрезал Гу Чанъань.

У Дабин нахмурился:

— Без них на Новый год мы будем есть только капусту с тофу. И рыбу.

У Гу Чанъаня дернулся глаз.

— Не будь бабой. Пока есть время, хочешь — езжай. Неизвестно, когда еще выпадет шанс. Главное, вернись до конца года.

Он прищурился:

— Дабин, ты ведь не застрянешь там, ослепленный блеском мира, и не откажешься возвращаться?

Лицо У Дабина изменилось, он яростно замотал головой:

— Тогда я лучше не поеду.

Гу Чанъань помрачнел. Настолько в себе не уверен? Слабак. Хотя... чистые душой люди действительно легче поддаются соблазнам.

У Дабин искренне сказал:

— Чанъань, я никогда не сделаю ничего, что тебя предаст.

Гу Чанъань улыбнулся:

— Даже если захочешь, я не дам тебе шанса.

У Дабин не совсем понял:

— Я никому не расскажу о делах клана Гу. Я знаю, как сильно отец и ты мне доверяете, я... я...

Он не умел красиво говорить и запинаясь.

Гу Чанъань пожал плечами:

— Да даже если расскажешь — ничего страшного. В худшем случае мир сойдет с ума.

У Дабин: «...»

Гу Чанъань вдруг произнес:

— Личунь идет.

У Дабин посмотрел вперед, но в поле зрения были лишь размытые очертания деревьев.

Через мгновение на тропинке показался силуэт Личунь. Она несла фонарь из белой бумаги, была одета в красное платье жуцунь, на ногах — вышитые туфли. От неё веяло чем-то потусторонним. Любой другой на месте этой сцены уже упал бы на колени, умоляя о пощаде.

Гу Чанъань присвистнул:

— Дабин, глянь, как твоя сестра Чунь в сравнении с той героиней из фильма ужасов?

— Красивее, — ответил У Дабин.

Гу Чанъань пренебрежительно цыкнул:

— Только грудь и задница маловаты.

— Вы о чем там шепчетесь? Думаете, я глухая?

Личунь затопала ногами перед Гу Чанъанем:

— Просила же прийти до 20-го числа! А ты пропустил всё мимо ушей!

Гу Чанъань потрепал её по грибообразной причёске, а затем взъерошил прямую челку.

— Еще нет двадцатого.

Личунь хлопнула его по руке, сердито сверкая глазами:

— Осталось чуть больше часа!

Гу Чанъань улыбнулся:

— Значит, еще не наступило.

— ...

Личунь подняла фонарь:

— Дабин, ты ведь вырос с ним, неужели тебе ни разу не хотелось его укусить от злости?

У Дабин покачал головой.

— Дурачок.

Личунь вынесла вердикт и внезапно посерьезнела:

— Пошли скорее, а то не успеем.

Трое путников прошли сквозь лесную чащу и сели в лодку, пришвартованную у реки. Лодка качнулась, по воде пошли круги.

Лунный свет был густым.

У Дабин взялся за весла, Гу Чанъань скрестил руки на груди, закрыв глаза.

Личунь откуда-то достала сюнь (глиняную флейту):

— Чанъань, сыграй что-нибудь.

Гу Чанъань не захотел уступать:

— Не буду.

Личунь не унималась.

Гу Чанъань, раздраженный, сел на носу лодки, полуприкрыв веки. Он поднес флейту к губам.

Звук, вырвавшийся из отверстий, был глубоким и тяжелым, тягучим и печальным. Казалось, слушатель переносится в бесконечную пустыню — пусто, холодно, одиноко.

Личунь прошептала:

— Дабин, Чанъань — очень одинокий человек.

Она говорила это не впервые, и У Дабин слышал это не раз. Он не совсем понимал значение слова «одиночество», но чувствовал, что она права.

В одиннадцать двадцать лодка причалила к берегу. Ряд фонарей, висевших на ветвях деревьев, покачивался на ветру, излучая слабый свет, указывающий путь пришедшим.

Гу Чанъаня передернуло от мурашек.

У Бабушки Личунь был странный характер, она не любила людей, поэтому и жила в такой глуши, никогда не показываясь в городе.

Днем здесь было живописно, зелено, но ночью место казалось зловещим — того и гляди выскочит зомби или из темноты покажется окровавленное лицо.

Жутковато.

Личунь побежала вперед, крича:

— Бабушка, бабушка! Чанъань пришел!

Гу Чанъань и У Дабин вошли следом. В нос ударил запах — запах Бабушки Личунь, напоминавший аромат гниющего дерева.

— Опоздали.

Вслед за старческим голосом раздался стук клюки по полу — глухой, вызывающий трепет.

Гу Чанъань поднял веки.

Старуха с седыми волосами, с лицом, изрезанным морщинами, смотрела на него без всякого выражения. На ней был халат с вышитыми азиями на черном фоне, выполненными тонкой работой.

Личунь сказала:

— Не опоздали же, еще есть время.

Бабушка повторила:

— Опоздали.

Её мутные глаза смотрели прямо на Гу Чанъаня.

Он почтительно поклонился:

— Бабушка, я был занят последние дни, пришел, как только освободился.

Бабушка развернулась и, опираясь на палку, поплелась в дальнюю комнату.

Личунь бросилась её поддерживать:

— Бабушка, мы правда не опоздали, зачем ты так? Чанъань издалека ехал, не обижай его.

Бабушка фыркнула:

— Ишь, защитница нашлась.

Личунь покраснела:

— Я не защищаю!

Дверь закрылась, Личунь и Дабин остались ждать снаружи.

Гу Чанъань сидел напротив старухи. На её лице по-прежнему не было ни тени эмоций.

— Я сказала, что вы опоздали, не ради шуток.

— Еще нет двадцатого числа, — ответил Гу Чанъань.

Бабушка посмотрела на него с жалостью:

— Это не от меня зависит, а от воли небес.

Гу Чанъань едва заметно приподнял бровь.

Бабушка посмотрела в приоткрытое окно, и в её взгляде мелькнуло что-то человеческое:

— Чанъань, я по просьбе твоего отца гадала для тебя. На днях обнаружила неладное — гадание указывало на время после двадцатого, поэтому я и просила тебя прийти раньше, чтобы я могла найти способ отвести беду. Не ожидала, что всё изменится. А теперь...

Твоя великая беда уже на пороге.

На обратном пути Гу Чанъань был молчалив. У Дабин не расспрашивал — знал, что Чанъань не расскажет.

На лицо упало что-то холодное. У Дабин провел рукой по щеке и остолбенел:

— Чанъань, снег пошел.

— Как может быть снег? Какой сейчас месяц? Это капли дождя...

Гу Чанъань поднял голову. Одна, вторая снежинка опустились на его очки. Его зрачки сузились:

— Действительно, снег.

В середине октября снег в северных краях — дело обычное, но на юге это было крайне странно.

Гу Чанъань слизнул снежинку с губ:

— Этот снег выпал не к добру.

У Дабин спросил:

— Будет стихийное бедствие?

— Кто знает, — Гу Чанъань посмотрел на заснеженное небо. — С человеческими бедами не можем справиться, куда уж там с природными. Что будет, то будет.

Он снял очки и сунул в карман:

— В ближайшее время я не занят, буду сидеть дома. А ты как раз полюбишься снегом.

У Дабин кивнул:

— Тогда завтра куплю билеты.

Гу Чанъань вдруг сменил тему:

— Куры сколько яиц в день несут?

— Шесть-семь, — ответил У Дабин.

Молодой господин Гу был поражен: так много?

<http://bllate.org/book/19143/1880129>